

Наталья Никишина

НА ЯЗЫКЕ ГЛИНЫ

Наталья Никишина

На языке глины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22572229

ISBN 9785448357435

Аннотация

Стихотворения известной писательницы, журналистки, автора сценариев нескольких популярных телесериалов Натальи Никишиной ранее не публиковались. Эта книга – открытие нового, яркого и зрелого поэта со своим неповторимым голосом и уникальным авторским зрением.

Содержание

«Построен и заброшен век...»	5
«Я там родилась, где цвели пустыри...»	6
«Мне объяснили: я – женщина... Видимо, да...»	7
«Послушай, помнишь ...»	9
«И остались пустыми леса...»	11
«Когда ты лежал в больнице...»	12
«Мудрил, разгадывая замок...»	14
«Подожди меня, милый, я – скоро!..»	15
«Не ходи, дурачок...»	16
«А когда актёры умирают...»	17
«Где липы дворянской породы...»	18
«И напряженность детского лица...»	20
«Два ангела сидели потихоньку...»	22
«Девочки мои, вы помните...»	23
«Замер класс. Вираз отваги...»	24
«Мама, мама, пойдем за реку...»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

На языке глины

Наталья Никишина

© Наталья Никишина, 2016

ISBN 978-5-4483-5743-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новая книга стихотворений талантливого киевского автора порадует всех ценителей и знатоков истинной поэзии. Поэтика Натальи Никишиной восходит к глубинным слоям славянской традиции. Её образная система, ритмический строй, глубина и точность словесных формул убеждают – перед нами безусловное и яркое явление в нынешнем литературном мире.

«Построен и заброшен век...»

Построен и заброшен век,
Деревья обретают лица
И, как вначале, слово «птица»
Равно со словом «человек».

Могилы каменщиков строгих,
Что доживали до седин,
Равны могилам тех, кто кровлю
Высоко в небо возводил...

И необжитая постройка,
Где ни дыханья, ни тепла
Не зарастёт травой настолько,
Насколько память заросла.

Но хочется, чтоб по ступеням
Взойдя из воздуха и дня,
Вдруг обманулся новый гений,
Сказав: «Здесь жили до меня!»

«Я там родилась, где цвели пустыри...»

Я там родилась, где цвели пустыри
Ромашковым белым настоем,
Где пахло тяжелым дыханьем земли
И битумом новостроек.

Там сладки мне были и чёрный паслен,
И яблоки старой усадьбы,
А время делили лишь дни похорон
Да частые пьяные свадьбы.

Рубили капусту в осенний мороз,
Гармонь выносили к сараю...
Мир досок некрашенных, крашенных роз
Меня согревал, умирая.

Как тихо ушла, отошла эта жизнь,
Разъехались прежние люди.
Достроены верхние этажи,
И праздников больше не будет.

«Мне объяснили: я – женщина... Видимо, да...»

Мне объяснили: я – женщина... Видимо, да.
Прикосновенья ношу, покрывшие панцирем тело.
Верю мужчинам, что в небо ракета взлетела.
Верю, что солнце – такая большая звезда...

Мне объяснили: я – женщина.

Я поняла.

Юбки и платья ношу, и готовлю картошку.
Голос меняю, чтобы звучал понарошку,
И говорю про ребенка,
которого не родила.

Ночью я долго гляжу – за тебя, в темноту,
Голая, светлая, взглядом и светлым и голым.
Я замираю, заснеженный плавный пригорок.
Ты окликаешь по имени женщину ту...

Ищешь осмысленный, определённый закон
В линии гибкой, смыкающей плотно колени...
Ты находил его всюду.

Неоновый Ленин

О деревянной России твоим говорил языком.

Я же не знаю России!

Я знаю – дома,

Знаю – овраги, ларьки, перелески, продмаги,

Поздние ржавые снега, белесые флаги,

Знаю, что лето бывает, бывает зима...

Утром я вновь обучусь языку

и припомню забытые знаки,

Хлеб пополам разделю,

будто смысл пополам разделю.

Платье надену,

тебя поцелую,

«люблю»

Напишу я губами на воздухе,

как на бумаге.

«Послушай, помнишь ...»

Послушай, помнишь —
был Тамбов когда-то:
бараки и облупленный ампир.
На ладан дышащий, ледащий, крытый матом
осенней жести на ветвях стропил.

И сумерки внутри, и тишь вокруг...
Но, Боже мой, как тайно, как древесно,
каким высоким снегом поднебесным
нас заметало из февральских вьюг!
Как вырастал повсюду по весне
невзрачный подзаборный одуванчик,
как свечечка...

Ты был хороший мальчик,
хотя уже тогда кричал во сне.
Так бредили и всё бродили мы
и ворошили слёглых листьев корку.
А воздух был больничный,
слабый, горький,
ещё не отогревшийся с зимы.

Быть может,

и теперь ты где-то есть.

Там, где Тамбов и церковь над рекою.
И ты теперь доверчив и покоен,

и светлую пришлѣшь об этом вѣсть.

«И остались пустыми леса...»

И остались пустыми леса
без единой приметы быта.
Здесь боятся кричать голоса,
словно дети в доме забытом.

Всё мне чудится, что ключом
зазвенят, замок проверяя,
там, за теплым твоим плечом
двери стройные отворяя...

Тишина и снаружи, и в нас.
Отлетело бывшее без гнева.
И сквозит в оголенный каркас
куп древесных – ветер да небо.

«Когда ты лежал в больнице...»

Когда ты лежал в больнице
для пьяниц и наркоманов,
на рынке, долго торгуясь,
купила я виноград,
и стыдно искала мелочь
в разбухших от сора карманах,
и злилась потом, как будто
гостинцу ты был рад.
А ты в дверное окошко
глядел, как в окошко кассы,
с глупой надеждой уехать
отсюда в такие края,
где нет раздавленных кошек,
не пахнет масляной краской
и не стоят печати по уголкам белья.
Но я не дала билета.
Я виноград протянула:
кисть золотую, тугую
к тебе за барьер, за черту.
Ты ягоды брал губами
движением поцелуя
и пробегала улыбка
по молодому рту...
Тогда я еще не знала,

что провожаю – в дорогу,
что крепко сожмешь билет свой
последним усилием руки,
что мир за больничной решеткой
отодвинется, дрогнув,
и пойдут по палатам
в белом проводники.

«Мудрил, разгадывая замок...»

Мудрил, разгадывая замок,
пальцы ломал мальчик.
А когда уже и дышать не мог —
открылся ларчик.

Открылся путь прямой, как закон
вечный.
И душу тронуло, как сквозняком
свечку.

И крышка захлопнулась и сотрясла
землю с краю,
откуда тянулась сосна, росла
к раю...

«Подожди меня, милый, я – скоро!..»

Подожди меня, милый, я – скоро!
Год ли, век ли, – одну только жизнь.
На опушке небесного бора
посиди и меня подожди.

Так когда-то ты ждал терпеливо,
если я по утрам для красы
ленту синюю с редким отливом
заплетала в поток косы.

Посмотри как тогда, без укора,
на капризы кружений моих.
Только изредка кликни: «Ты скоро?!»
Скоро, милый, одну только жизнь!

«Не ходи, дурачок...»

Не ходи, дурачок,
заведет эта тропка!
Вот под левым плечом
капля – божья коровка.

Укажи ей перстом
в поднебесные кущи,
где, версту за верстой,
воздух чище и гуще.

Осень в листьях шуршит,
засыпая, как дети;
отлетевшей души
мир твоей не заметит,

потому, что в лесу
между небом и тропкой
прилепилась к листу
снизу – божья коровка.

«А когда актёры умирают...»

А когда актёры умирают,
то для них закрыты двери рая.
Утешенье малое есть, правда,
что для них закрыты двери ада.

Есть конец у жизни и у сказки.
Опадают и цветы, и маски.
Опадают золотые речи.
Остается голый человечек.

И порхают по лесам и долам
маленькие звонкие актёры.
И щебечут что-то по привычке.
Эльфы, человечки, божьи птички...

«Где липы дворянской породы...»

Где липы дворянской породы
давнишнюю думу гудят,
где луч средь ненастной погоды
задумался, тих, как дитя,
где небо, как будто спросонья
разбужено криком стрижат —
направо от ветхой часовни,
налево от ветхой часовни
родные глубоко лежат
Невестки лежат и свекрови,
и семьи дядьёв и братьёв...
Помянем родимых по крови
Сегодня блином да кутьёй!
Помянем их водкою чистой,
помянем заморским вином,
и хлебом печёным, душистым
закусим за общим столом.
Помянем их долгие годы
в разломах древесных морщин.
Помянем водительниц рода,
помянем горячих мужчин.
Помянем... Но отклика нету,
не варена ныне кутья.
И розно по белому свету

лежат и сватья, и братья.

Никто не заходит к ним сроду.

Лишь луч иногда забежит

к деревьям крестьянской породы,

к деревьям дворянской породы...

Чей родич под ними лежит?..

«И напряженность детского лица...»

И напряженность детского лица,
и взгляд слепой ночного поколения,
и полдень, размыкающий колени,
не утоляя, утомлял юнца.
Он спал лишь днём, неловко обнажив
мужской кадык мальчишеского горла.
Во сне он видел женщин, белых, голых,
беспомощно идущих на ножи.
Он воровал ночами яркий шум
высоких мест и приоткрытых окон.
Он взглядов избегал волчиным оком.
Под жёсткой шерстью в черепе был ум.
Он в драках бил всегда исподтишка,
и голосом высоким под луною
он песни пел подъездным корешкам
и хвастался удачею хмельною...
Когда его за взятый им ларёк
в подвале били, – шевелился в луже,
коленками, руками в рёбрах душу
удерживал, свернувшийся зверёк.
А и души-то было, Господи!..
В твоих ли канцеляриях хранится
тот протокол? Районная милиция...

И что он там кричал: «Не подходи!»

«Два ангела сидели потихоньку...»

Два ангела сидели потихоньку
на боковушке проржавевшей койки.
Они плели и птичий вздор болтали,
и тоненькими ножками болтали
над ситцевой замызганной постелью.
Они давно и пить, и есть хотели,
но были часовыми в этом доме,
где и часов-то не было,
и кроме
буханки хлеба – не было припасов...
И ангелы до утреннего часа
следили сон детей алкоголички
и дули им в испуганные личики,
и говорили: «Это только снится,
вот скоро мама, мама воротится».

«Девочки мои, вы помните...»

Девочки мои, вы помните,
как мы лили слезы в интернате
после кастаньяной, в спальной комнате,
в день, когда нам выдавали платья...

Ждали нас уроки нерешённые...
Говорили воспиталки ласково:
«Платья шерстяные, недешёвые...»
Ну, а мы хотели, чтобы разные.

«Замер класс. Вираз отваги...»

Замер класс. Вираз отваги.

Класс не дышит.

Самолётик из бумаги,

белый, выше!

Пустьяком по сквознякам —

выше крыши!

Не поверь ничьим рукам,

милый, слышишь?

Прямо к Божьим рукам —

воздух прочен —

унеси под облака

детский почерк,

человеческая птица,

Божий ангел.

...Как там крыльями летится

из бумаги?

«Мама, мама, пойдём за реку...»

Мама, мама, пойдём за реку
деревянным мостом тёмным.
И возьму тебя я за руку,
твоя дочка, твой дитёнок.

За рекой, где медуницею
тихо пахнет луг некошенный,
позабудешь, как больницами

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.